УДК 001.8:101.1
DOI: 10.31249/scis/2026.03.07

МЕЖДИСЦИПЛИНАРНОСТЬ КАК МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ РЕЖИМ СОВРЕМЕННОЙ НАУКИ

Гребцов Максим Вячеславович – аспирант, Юго-Западный государственный университет, Курск, Россия; unforgiva@mail.ru.

Аннотация. В статье предпринимается философско-методологический анализ междисциплинарности как одного из значимых способов организации современного научного познания. Исследование не претендует на исчерпывающее описание всех предметных и организационных форм междисциплинарности. Правовое познание рассматривается как показательное поле, в котором особенно отчетливо проявляется необходимость согласования эмпирических, технических, нормативных, социальных и ценностных аспектов анализа. Показано, что обращение к междисциплинарному подходу обусловлено не формальным расширением исследовательского инструментария, а природой сложных объектов, которые не могут быть исчерпывающе описаны в пределах одной дисциплинарной оптики. Особое внимание уделяется тому, что междисциплинарность не сводится к простому соединению различных методов, понятий и научных языков. Ее эвристическая ценность раскрывается при условии строгого согласования исследовательских процедур, точного понятийного перевода и сохранения критериев доказательности. В работе подчеркивается, что современная наука нуждается не в механическом преодолении дисциплинарных границ, а в их осознанном и методологически контролируемом пересечении. На материале философии науки и правового познания обосновывается, что междисциплинарность позволяет раскрывать взаимосвязь различных измерений исследуемой проблемы. Делается вывод о том, что междисциплинарный подход продуктивен лишь тогда, когда он сохраняет дисциплинарное ядро исследования и обеспечивает проверяемость получаемых выводов.

Ключевые слова: методология науки; философия науки; междисциплинарность; научная рациональность; дисциплинарность; правовая наука; эпистемология.

Для цитирования: Гребцов М.В. Междисциплинарность как методологический режим современной науки // Науковедческие исследования. – 2026. – № 3. – С. 83–96. – DOI: http://www.doi.org/10.31249/scis/2026.03.07

Статья поступила в редакцию: 19.05.2026
Принята к публикации: 18.06.2026

INTERDISCIPLINARITY AS A METHODOLOGICAL REGIME OF MODERN SCIENCE

Maxim V. Grebtsov – postgraduate student, Southwest State University, Kursk, Russia; unforgiva@mail.ru.

Abstract. The article undertakes a philosophical and methodological analysis of interdisciplinarity as one of the significant modes of organizing contemporary scientific knowledge. The study does not claim to provide an exhaustive description of all subject-specific and organizational forms of interdisciplinarity; legal inquiry is considered as an indicative field in which the need to coordinate empirical, technical, normative, social, and value-related aspects of analysis becomes especially visible. It demonstrates that the turn toward an interdisciplinary approach is determined not by the formal expansion of the research toolkit, but by the nature of complex objects that cannot be exhaustively described within a single disciplinary perspective. Particular attention is given to the fact that interdisciplinarity cannot be reduced to a simple combination of different methods, concepts, and scientific languages. Its heuristic value becomes evident under the condition of rigorous coordination of research procedures, precise conceptual translation, and preservation of standards of justification. The paper emphasizes that contemporary science requires not a mechanical overcoming of disciplinary boundaries, but their conscious and methodologically controlled crossing. Drawing on philosophy of science and legal inquiry, the article argues that interdisciplinarity makes it possible to reveal the interrelation of different dimensions of the problem under study. The conclusion is made that the interdisciplinary approach is productive only when it preserves the disciplinary core of the research and ensures the verifiability of the conclusions obtained.

Keywords: methodology of science; philosophy of science; interdisciplinarity; scientific rationality; disciplinarity; legal science; epistemology.

For citation: Grebtsov, M. V. (2026). Interdisciplinarity as a methodological regime of modern science. // *Naukovedcheskie issledovaniya = Science Studies.* – 2026. – N 2. – P. 83–96. – DOI: http://www.doi.org/10.31249/scis/2026.03.07

The paper was submitted: 19.05.2026
Accepted for publication: 18.06.2026

Введение

Современная наука существует в ситуации, когда предмет исследования все реже совпадает с границами одной дисциплины. Это не означает ослабления дисциплинарной организации знания. Напротив, высокая специализация наук сделала очевидным, что ряд проблем не может быть корректно решен путем простого накопления частных результатов. Научное знание сталкивается с объектами, в которых фактическое, техническое, социальное, нормативное и ценностное начала не расположены последовательно, а взаимно определяют друг друга. Поэтому междисциплинарность становится не формальным атрибутом исследования, а способом сохранения целостности сложного объекта.

Для российской науки данная проблема имеет не только теоретическое, но и нормативно-институциональное значение. Законодательное регулирование научной и научно-технической деятельности исходит из связи науки, государства, потребителей научной продукции и инновационной сферы[1]. Стратегические документы научно-технологического развития также ориентируют исследование не на изолированное производство знания, а на решение сложных задач, требующих согласования научных, технологических и общественных последствий[2]. Однако из самого факта нормативного признания комплексности еще не следует методологическая ясность. Главный вопрос состоит в том, каким образом объединять разные способы познания без утраты научной строгости.

При этом междисциплинарность не имеет единой формы для всех областей знания. В крупных физических, биомедицинских или инженерных проектах она может быть связана прежде всего с распределением экспериментальных, технических и вычислительных процедур. В социально-гуманитарном познании, и особенно в юриспруденции, центр тяжести смещается к согласованию факта, нормы, ценности, института и процедуры. Поэтому в настоящей статье правовое познание используется не как единственная модель междисциплинарности, а как методологически показательный случай: в этой области особенно заметно, что соединение разных научных языков требует не только расширения исследовательского инструментария, но и строгого контроля перехода от описания к нормативному выводу.

Междисциплинарность целесообразно рассматривать как особый режим исследования, при котором проблема формулируется на границе нескольких языков описания и требует согласования их объяснительных возможностей. Если дисциплина задает предмет, метод, критерии доказательства и допустимый тип результата, то междисциплинарное исследование вынуждено дополнительно обосновывать каждый из этих элементов. Оно не отменяет дисциплину, а выявляет пределы ее объяснительной достаточности. Поэтому междисциплинарность начинается с признания того, что объект не поддается однолинейному объяснению в пределах одной исследовательской оптики.

Междисциплинарность позволяет рассматривать объект в его целостности, соотнося данные и объяснительные модели, полученные в разных областях знания. Однако ее продуктивность не вытекает из самого факта привлечения нескольких дисциплин. Если междисциплинарность

---

[1] О науке и государственной научно-технической политике: Федеральный закон от 23.08.1996 № 127-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 35. Ст. 4137.

[2] О Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации: Указ Президента Российской Федерации от 28.02.2024 № 145 // Официальный интернет-портал правовой информации. 2024. 28 февр. № 0001202402280003.

используется как риторическая декларация, возникают методологическая произвольность, неконтролируемый перенос понятий и утрата критериев проверки. Поэтому существенен не перечень названных дисциплин, а наличие между ними обоснованного перехода.

Философия науки должна анализировать практически сложившиеся формы междисциплинарных исследований с учетом результатов науковедения. В этой связи возникает вопрос о том, каким образом эти результаты включаются в философскую рефлексию о целях и границах научного познания, какие аспекты научной рациональности они позволяют уточнить и какие задачи философского анализа делают более предметными. Сближение с науковедением иногда дает основание рассматривать саму философию науки как междисциплинарное исследование.

Как утверждает Л.П. Клеева: «современные тенденции повышения доли и значимости междисциплинарных исследований, вызванные, с одной стороны, логикой развития науки, а с другой – настоятельной необходимостью отвечать требованиям, предъявляемым ей со стороны общества и народного хозяйства, актуализируют проблемы использования подходов одних отраслей науки к другим» [Клеева, 2025, с. 38].

Междисциплинарность в контексте современной научной рациональности

Такое понимание соответствует общей логике развития научной рациональности. В.С. Степин показывал, что тип научного познания изменяется вместе с характером исследуемых систем и формами включенности субъекта в познавательный процесс [Степин, 2003, с. 39–44]. Для классической науки была характерна ориентация на выделение объекта в максимально очищенном виде. Неклассическая и постнеклассическая рациональность усложняют эту схему: исследовательские средства, ценности, цели и последствия знания уже не могут быть вынесены за скобки. Поэтому современная методология вынуждена обсуждать не только вопрос о том, что познается, но и вопрос о том, в какой системе познавательных и социальных условий это знание производится.

Как отмечает В.С. Стёпин: «появление каждого нового типа рациональности не отбрасывало предшествующего, а только ограничивало сферу его действия» [Степин, 2003, с. 632]. Это не уничтожает дисциплинарную организацию науки, а выявляет границы ее достаточности.

В данном контексте важно различать несколько близких, но не тождественных форм научной кооперации. Мультидисциплинарность обычно означает параллельное рассмотрение одного объекта разными специалистами, когда результаты сопоставляются, но не обязательно образуют общий методологический механизм. Междисциплинарность предполагает более

глубокий уровень: она требует согласования понятий, процедур доказательства и исследовательских целей. Наконец, трансдисциплинарность связана с выходом за пределы академических дисциплин к таким проблемным полям, где в производство знания включаются практические, институциональные и общественные участники. В литературе эта градация неоднократно связывалась с изменением самой организации науки: от дисциплинарно замкнутого исследования к производству знания в контексте применения и общественной ответственности.

М. Гиббонс и соавторы в монографии, посвященной трансформации знания, называют междисциплинарный подход Mode 2 в отличие от традиционного дисциплинарного Mode 1. Они прямо указывают: «Mode 2 – это нечто большее, чем просто объединение широкого круга специалистов для совместной работы над проблемами в сложной среде...» [The New Production, 1994, p. 4]. Междисциплинарность не должна пониматься как простое сотрудничество нескольких специалистов или дисциплин.

Э. Янч характеризует движение к междисциплинарности как ситуацию, в которой «в конечном счете вся система образования / инноваций может быть скоординирована как многоуровневая многоцелевая иерархическая система через трансдисциплинарный подход, предполагающий обобщенную аксиоматику и взаимное усиление дисциплинарной эпистемологии» [Jantsch, 1970, с. 401]. Эта мысль показывает, что междисциплинарность связана не с внешним расширением тематики, а с координацией уровней знания и деятельности.

Однако указанное различение не образует простой шкалы прогресса, в которой каждая следующая форма автоматически выше предыдущей. Для философии науки принципиально важно определить, какой тип связи между дисциплинами соответствует природе исследуемого объекта. Если проблема может быть решена внутри одной науки, междисциплинарность остается внешней риторикой. Если же описание объекта неизбежно включает разные уровни реальности, исследование должно строиться как внутренне связанная конструкция, а не как совокупность комментариев. Поэтому междисциплинарность усложняет саму логику доказательства, а не только расширяет текст за счет новых терминов.

Междисциплинарность в юридической науке: возможности и методологические риски

Проблема междисциплинарности особенно отчетливо проявляется в юридической науке. Право нельзя свести ни к тексту нормативного акта, ни к поведению участников общественных отношений, ни к экономической эффективности регулирования. Юридическое познание работает одновременно с нормой, фактом, ценностью, процедурой и институтом. Поэтому правовая наука всегда содержит внутреннее напряжение между

догматическим анализом, философией права, социологией права, сравнительным правоведением и теорией правоприменения. Междисциплинарность здесь необходима, но она не должна разрушать собственно юридический способ постановки вопроса.

Первая методологическая опасность состоит в подмене сложности объекта произвольным смешением терминов. Исследователь может ссылаться на междисциплинарность, но фактически использовать слова разных наук без формирования единого доказательного пространства. В таком случае возникает не синтез знания, а риторическое расширение исследования. Научная ценность междисциплинарного подхода определяется не широтой привлеченных областей, а тем, насколько ясно показано, какую часть проблемы каждая дисциплина позволяет увидеть и какие ограничения при этом сохраняются.

Вторая опасность связана с методологическим империализмом одной науки. Экономический анализ может сводить право к критерию эффективности, социология – к поведению групп, психология – к индивидуальным установкам, информационные науки – к обработке данных. Каждый из этих подходов способен дать важный результат, но ни один из них не исчерпывает правовую реальность. Для юридической науки принципиально важно сохранять нормативность права как самостоятельный уровень анализа. В противном случае право превращается либо в социальный факт, либо в управленческую технологию, либо в массив данных, но перестает рассматриваться как форма должного.

Третья опасность состоит в утрате критериев проверки. Дисциплинарное исследование имеет устойчивые правила оценки: источники, методы, процедуры аргументации, допустимые выводы. Междисциплинарное исследование должно специально объяснять, почему вывод, полученный на пересечении разных подходов, является обоснованным. Критический рационализм К. Поппера важен здесь не как готовая методика для всех наук, а как напоминание о необходимости проверяемости и открытости знания для возможного опровержения [4, с. 60–64]. При отсутствии такого требования междисциплинарность легко превращается в форму интеллектуальной непроверяемости. К. Поппер подчеркивал, что «не верифицируемость, а фальсифицируемость системы следует рассматривать в качестве критерия демаркации» [Поппер, 2004, с. 63]. Так, соединение разных методов не освобождает исследование от требования проверяемости, а делает это требование более строгим.

Не менее значима и мысль Т. Куна о том, что научное сообщество действует внутри определенной парадигмальной рамки, задающей образцы постановки и решения проблем [Кун, 2009, с. 21–23]. Междисциплинарность усложняет данную ситуацию, так как в одном исследовании встречаются несколько рамок, каждая из которых считает свои методы естественными. Поэтому задача исследователя состоит не в формальном

перечислении подходов, а в выявлении их скрытых предпосылок. Иначе разные дисциплины будут говорить об одном объекте, но фактически иметь в виду разные предметы.

Дисциплинарные границы, понятийный перевод и доказательность

В связи с этим междисциплинарное исследование предполагает особую работу с границей дисциплин. Эта граница не является только препятствием. Она выполняет продуктивную функцию, поскольку заставляет исследователя уточнять, в каком смысле употребляется каждое понятие. Один и тот же термин может иметь различную смысловую функцию в правоведении, социологии, экономике или информатике. Например, понятие эффективности в экономике описывает соотношение затрат и результата, тогда как в праве оно не может быть отделено от законности, справедливой процедуры, равенства и предсказуемости решения. Поэтому простой перенос термина не формирует междисциплинарного знания, без перевода и ограничения смысла он создает методологический риск.

Для описания такого перевода полезна идея «пограничных объектов», разработанная в исследованиях науки и технологий. Подобные объекты позволяют разным профессиональным сообществам работать над общей проблемой, сохраняя собственные стандарты и языки описания [Star, Griesemer, 1989]. В юридическом исследовании такими пограничными объектами могут выступать цифровая платформа, экспертное заключение, статистический показатель, модель риска, медицинский протокол или экологический норматив. Они являются общими для нескольких дисциплин, но не имеют одного и того же значения в каждой из них. Поэтому задача методологии состоит в том, чтобы показать, каким образом такой объект получает юридически значимую форму и какие элементы его научного, технического или социального происхождения сохраняют значение для правового вывода. С.Л. Стар и Дж.Р. Грисемер пишут: «Пограничные объекты одновременно адаптируются к различным точкам зрения и достаточно устойчивы, чтобы сохранять свою идентичность при их рассмотрении» [Star, Griesemer, 1989, p. 387]. Для юридической науки это особенно важно: один и тот же объект может быть техническим, социальным, экономическим и правовым одновременно.

Методологически корректная междисциплинарность должна включать четыре обязательных элемента. Первый элемент – проблемное ядро. Исследование должно начинаться с вопроса, который нельзя удовлетворительно решить в пределах одной дисциплины. Второй элемент – понятийный перевод. Термины, заимствуемые из других наук, должны быть не перенесены буквально, а заново определены в отношении предмета исследования. Третий элемент – согласование доказательности. Необходимо по-

казать, какие данные, аргументы и процедуры признаются достаточными. Четвертый элемент – контроль вывода. Итоговое положение должно быть проверяемо с точки зрения тех дисциплин, которые участвовали в построении исследования, но при этом не распадаться на их отдельные результаты.

Практически это означает, что междисциплинарная работа должна строиться как последовательная процедура, а не как риторическое расширение исследования. На первом этапе необходимо установить, почему исходная дисциплина не обладает достаточной объяснительной силой. На втором этапе следует определить, какие дисциплины привлекаются и какую функцию выполняет каждая из них: описательную, объяснительную, нормативную, прогностическую или критическую. На третьем этапе требуется сформировать общий словарь исследования, где ключевые понятия не просто перечисляются, а получают рабочие определения. На четвертом этапе необходимо показать, каким образом соединяются результаты: через сопоставление, взаимную проверку, построение общей модели или выведение нормативного критерия. В современных учебниках по междисциплинарным исследованиям стадия интеграции результатов рассматривается как решающая, поскольку без нее работа остается совокупностью дисциплинарных фрагментов [Repko, Szostak, Buchberger, 2020].

Особую роль играет операция проблематизации. Она состоит в том, что исследователь не принимает готовую формулировку проблемы как самоочевидную, а выявляет, какие дисциплинарные предпосылки уже скрыты в этой формулировке. Так, вопрос о «регулировании искусственного интеллекта» может быть поставлен как техническая задача безопасности, как экономическая задача стимулирования инноваций, как правовая задача распределения ответственности или как философская задача сохранения человеческого контроля над решением. Все эти постановки правомерны, но они ведут к различным выводам. Междисциплинарность начинается тогда, когда эти постановки не конкурируют механически, а приводятся в такую связь, при которой каждая из них уточняет пределы другой.

В этом отношении полезна методология исследовательских программ И. Лакатоса, поскольку она позволяет рассматривать развитие знания не как ряд изолированных гипотез, а как устойчивую структуру, имеющую ядро, защитный пояс и правила движения проблемы [Огурцов, 1988, с. 135–140]. Междисциплинарная работа также нуждается в подобной структуре. У нее должно быть собственное ядро, иначе она становится набором внешних заимствований. Для области права таким ядром остается вопрос о нормативной организации общественных отношений, даже когда исследование использует данные социологии, экономики, психологии или цифровой аналитики.

Дисциплинарность при этом не является устаревшей формой организации знания. А.П. Огурцов убедительно показал, что дисциплинарная структура знания выполняет не только административную, но и познава-

тельную функцию: она удерживает предметность, нормирует язык и воспроизводит исследовательскую культуру [Огурцов, 1988, с. 112–118]. Поэтому противопоставление дисциплинарности и междисциплинарности методологически неверно. Междисциплинарность возможна только там, где существуют достаточно развитые дисциплины. Без дисциплинарной базы она превращается в произвольную универсализацию исследовательского языка.

Применительно к юридической науке это означает, что междисциплинарный подход не должен подменять юридическую аргументацию внешними объяснениями. Например, цифровизация правоприменения не может быть понята только как техническое внедрение алгоритмов. Она затрагивает вопросы ответственности, доказательств, процессуальной формы, правовой определенности и пределов усмотрения.

Если исследование ограничивается технической эффективностью, оно теряет собственно правовое измерение. Если оно ограничивается только догматикой, то не видит изменившихся условий функционирования нормы. Поэтому задача состоит в согласовании, а не в замещении методов.

Прикладные измерения междисциплинарного анализа права

Показательным примером является исследование цифрового правоприменения. На первый взгляд оно может быть описано как внедрение информационных систем в деятельность суда, администрации или правоохранительных органов. Но уже при ближайшем рассмотрении становится понятно, что техническая модель не совпадает с правовой моделью решения. Алгоритм работает с данными, вероятностями, классификациями и корреляциями; право работает с нормой, компетенцией, процедурой, доказательством и ответственностью. Поэтому вопрос состоит не только в том, насколько точно система прогнозирует результат, но и в том, может ли такой результат быть объяснен, оспорен, проверен и включен в процессуальную форму. Здесь информатика дает описание архитектуры системы, статистика – критерии надежности модели, социология – анализ институциональных последствий, а правовая наука устанавливает пределы допустимости автоматизированного решения. Междисциплинарность оказывается необходимой именно потому, что ни одна из этих оптик сама по себе не отвечает на вопрос о правомерности применения технологии.

Эта логика прослеживается на примере дела SyRI, рассмотренного Окружным судом Гааги 5 февраля 2020 г.[1] SyRI представляла собой систему риск-индикации, которую государство использовало для выявления возможного мошенничества в сфере социальных выплат, налогов и иных

[1] Rechtbank Den Haag. C/09/550982 / HA ZA 18-388, ECLI:NL:RBDHA:2020:865. 05.02.2020. URL: https://uitspraken.rechtspraak.nl/details?id=ECLI%3ANL%3ARBDHA%3A2020%3A865 (дата обращения: 18.06.2026).

публичных обязательств. С философско-методологической точки зрения данный пример значим не только как случай применения цифровой технологии, но и как ситуация оценки объекта, который не принадлежит полностью ни праву, ни информатике, ни социальной политике. Техническая модель работала с массивами данных, корреляциями и риск-профилями; правовая оценка требовала ответа на другой вопрос: может ли такой способ обработки данных быть признан прозрачным, проверяемым, соразмерным и совместимым с правом на уважение частной жизни [Van Bekkum, Zuiderveen Borgesius, 2021].

Если применить к делу SyRI предложенную выше четырехэлементную процедуру, проблемным ядром становится не общий вопрос о пользе цифровизации, а допустимость превращения алгоритмического риск-сигнала в юридически значимый инструмент публичного управления. Понятийный перевод необходим уже потому, что «риск», «точность», «профиль» и «ошибка» имеют различный смысл в статистике, информатике и праве. Для технической системы ошибка может быть допустимым элементом вероятностной модели; для права она становится вопросом о пределах вмешательства государства, возможности оспаривания и защите лица от необоснованного подозрения. Согласование доказательности здесь означает различение технической надежности модели и юридической допустимости ее результата: даже высокая прогностическая эффективность не освобождает государство от обязанности раскрыть достаточные основания вмешательства. Контроль вывода требует, чтобы результат цифровой обработки мог быть объяснен, проверен и оспорен в правовой процедуре. Именно поэтому дело SyRI показывает: междисциплинарность возникает не при простом добавлении технологического материала к юридическому анализу, а там, где технический результат проходит через нормативный фильтр публичной ответственности.

Другой пример связан с судебной экспертизой, особенно с генетическими, медицинскими и психологическими исследованиями. Естественно-научный результат сам по себе еще не является юридическим фактом. Он должен пройти через процессуальные формы допустимости, относимости, достоверности и оценки доказательств. В этом случае биология или медицина дают материал, без которого невозможно установить значимые обстоятельства, но право определяет порядок превращения этого материала в доказательство. Ошибка возникает тогда, когда научная точность экспертного метода автоматически отождествляется с юридической достаточностью вывода. Междисциплинарный подход позволяет удержать различие между знанием о факте и правовым значением этого знания.

Третий пример дает экологическое и климатическое регулирование. Здесь юридическая норма не может быть адекватно понята без данных естественных наук, математического моделирования, экономики природопользования и социальной оценки рисков. Но и эти данные не превраща-

ются в правовое решение непосредственно. Между научным прогнозом и юридической обязанностью находятся процедуры нормотворчества, распределение ответственности, баланс публичных и частных интересов, а также вопрос о допустимом уровне риска. В подобных областях особенно заметно то, что современная наука производит знание в условиях неопределенности и общественного запроса, а потому нуждается в формах ответственности за последствия собственных рекомендаций [Nowotny, Scott, Gibbons, 2001].

Эти кейсы показывают, что методологически состоятельная междисциплинарность возникает там, где результаты дисциплин не просто подтверждают друг друга, а вступают в отношения взаимного ограничения. Техническая возможность ограничивается правовой допустимостью, экономическая целесообразность – нормативной справедливостью, эмпирическое наблюдение – процедурой доказательства, а ценностная оценка – требованием аргументированности. Поэтому междисциплинарное исследование не должно стремиться к устранению различий между науками. Напротив, оно должно выявлять эти различия и делать их методологически контролируемыми.

Критерии научной состоятельности междисциплинарного подхода

Содержательный критерий методологически состоятельной междисциплинарности состоит не в самом факте обращения к источникам из разных областей знания, а в том, что главный вывод исследования не может быть получен без их согласованного применения. Если искомый результат достигается средствами одной дисциплины, привлечение иных подходов остается вспомогательным и, по существу, иллюстративным. Иная ситуация возникает в тех случаях, когда вывод формируется за счет методологического соединения различных исследовательских оптик. В этом случае междисциплинарность приобретает не внешнее, а собственно научное значение.

Из этого вытекает специальное требование к научной рефлексии. Автор междисциплинарного исследования должен ясно понимать и обозначать пределы собственной компетенции, основания переноса понятий из одной области знания в другую, а также меру применимости полученных выводов. Для юридической науки это имеет принципиальное значение, поскольку некорректное заимствование понятий способно привести не только к теоретической неточности, но и к искажению понимания нормы, ответственности, процедуры либо правового статуса субъекта. В этом смысле философия науки выполняет функцию методологического контроля, она позволяет увидеть, где расширение предмета остается продуктивным, а где начинается утрата его собственных оснований.

Вместе с тем методологическая корректность междисциплинарного исследования сама по себе еще не устраняет его институциональных затруднений. Междисциплинарный проект нередко оказывается в промежуточном положении между сложившимися формами научного признания, его трудно соотнести с профилем кафедры, паспортом специальности, тематикой узкопрофильного журнала или критериями грантовой экспертизы. В результате исследование может быть достаточно строгим по существу, но восприниматься как не полностью относящееся к предметному полю каждой из участвующих дисциплин. Поэтому междисциплинарность требует не только понятийного, но и институционального перевода, автор должен показать, в каком научном сообществе, по каким критериям и в каком виде его результат может быть проверен и признан [Klein, 1990; Nowotny, Scott, Gibbons, 2001].

Следовательно, междисциплинарность не следует понимать как декларативный признак современной науки. Ее следует рассматривать как строгий способ работы со сложными объектами. Ее смысл заключается не в отказе от дисциплинарных границ, а в их осознанном преодолении тогда, когда сам предмет исследования требует более сложной исследовательской конструкции. Для современной науки это означает необходимость иной культуры аргументации, в которой фактическое описание, теоретическая модель, нормативная оценка и практические последствия рассматриваются не изолированно, а во взаимной связи.

Таким образом, философско-методологический анализ междисциплинарности важен еще и потому, что он позволяет отделить предметную сложность от неопределенности, прикрытой научной терминологией. Сложность требует ясного описания уровней объекта, способов связи между ними и процедуры перехода от частного результата к общему выводу. Неопределенность проявляется тогда, когда автор использует разные языки без объяснения их соотношения. В первом случае междисциплинарность усиливает исследование, во втором – ослабляет его, поскольку делает вывод менее проверяемым.

Для современной философии науки данная проблема имеет принципиальное значение. Она показывает, что научная рациональность не сводится к единообразию метода. Напротив, рациональность современного исследования заключается в способности сохранять различие методов и вместе с тем выстраивать между ними контролируемую связь. Поэтому вопрос о междисциплинарности является вопросом не только об организации науки, но и о культуре научного мышления. Чем сложнее объект, тем выше требование к методологической рефлексивности исследователя: необходимо ясно показать, в каком случае используется юридическая аргументация, где привлекаются данные другой науки, где производится философское обобщение и каким образом эти уровни связаны между собой.

Заключение

Рассмотрение правового познания в настоящей статье не исчерпывает многообразия междисциплинарных практик современной науки, однако позволяет выявить одну из наиболее методологически напряженных проблем: необходимость согласования эмпирических, технических, нормативных, социальных и ценностных аспектов анализа. Из изложенного следуют три вывода. Во-первых, междисциплинарность не является универсальным методом, она представляет собой особый режим исследования, возникающий при недостаточности одной дисциплинарной оптики. Во-вторых, ее научная состоятельность определяется сохранением дисциплинарного ядра, точностью понятийного аппарата и проверяемостью вывода. В-третьих, применительно к юридической науке речь идет не о растворении права в социальных науках, а о раскрытии права как нормативной формы, действующей в сложной социальной и технологической реальности.

Список литературы

Клеева Л.П. Современные тенденции развития науки: проблемы междисциплинарности // Экономика науки. – 2025. – №2. – С. 29-40.

Кун Т. Структура научных революций / пер. с англ. И.З. Налетова. – М.: АСТ, 2009. – 317 с.

Лакатос И. Методология исследовательских программ / пер. с англ. – М.: АСТ; Ермак, 2003. – 380 с.

Огурцов А.П. Дисциплинарная структура науки. – М.: Наука, 1988. – 256 с.

Поппер К. Логика научного исследования / пер. с англ. под общ. ред. В.Н. Садовского. – М.: Республика, 2004. – 447 с.

Степин В.С. Теоретическое знание. – М.: Прогресс-Традиция, 2003. – 744 с.

Jantsch E. Inter- and transdisciplinary university: A systems approach to education and innovation // *Policy Sciences.* – 1970. – Vol. *1*. – P. 403–428. https://doi.org/10.1007/BF00145222

Klein J.T. Interdisciplinarity: History, Theory, and Practice. – Detroit: Wayne State University Press, 1990. – 331 p.

Nowotny H., Scott P., & Gibbons M. Re-Thinking Science: Knowledge and the Public in an Age of Uncertainty. – Cambridge: Polity Press, 2001. – 278 p.

Repko A.F., Szostak R., & Buchberger M.P. Introduction to Interdisciplinary Studies. 3rd ed. – Thousand Oaks: SAGE Publications, 2020. – 464 p.

Star S.L., & *Griesemer J.R.* Institutional Ecology, “Translations” and Boundary Objects: Amateurs and Professionals in Berkeley’s Museum of Vertebrate Zoology, 1907-39 // Social Studies of Science. – 1989. – Vol. 19. – № 3. – P. 387-420.

The New Production of Knowledge: The Dynamics of Science and Research in Contemporary Societies / Gibbons M. *et al*. – London: SAGE Publications, 1994. – 179 p.

Van Bekkum M., Zuiderveen Borgesius F. Digital welfare fraud detection and the Dutch SyRI judgment // European Journal of Social Security. – 2021. – Vol. 23. – № 4. – P. 323-340. – DOI: 10.1177/13882627211031257.

References

Gibbons, M., Limoges, C., Nowotny, H., Schwartzman, S., Scott, P., & Trow, M. (1994). *The new production of knowledge: The dynamics of science and research in contemporary societies*. SAGE Publications.179 p.

Jantsch, E. (1970). Inter- and transdisciplinary university: A systems approach to education and innovation. Policy Sciences*,* 1, 403–428. https://doi.org/10.1007/BF00145222

Kleeva, L. P. (2025). Modern trends in the development of science: problems of interdisciplinarity. *Economics of Science*, (2), 29-40. (In Russ.)

Klein, J. T. (1990). *Interdisciplinarity: History, theory, and practice*. Wayne State University Press. 331 p.

Kuhn, T. (2009). *The structure of scientific revolutions* (I. Z. Naletov, Trans.). Moscow : AST. 317 p. (In Russ.)

Lakatos, I. (2003). *The methodology of scientific research programmes*. Moscow : AST; Ermak. 380 p. (In Russ.)

Nowotny, H., Scott, P., & Gibbons, M. (2001). *Re-thinking science: Knowledge and the public in an age of uncertainty*. Polity Press. 278 p.

Ogurtsov, A. P. (1988). *The disciplinary structure of science*. Moscow : Nauka. 256 p. (In Russ.)

Popper, K. (2004). *The logic of scientific research* (V. N. Sadovsky, Ed.). Moscow : Respublika. 447 p. (In Russ.)

Repko, A. F., Szostak, R., & Buchberger, M. P. (2020). *Introduction to interdisciplinary studies* (3rd ed.). SAGE Publications. 464 p.

Star, S. L., & Griesemer, J. R. (1989). Institutional ecology, translations and boundary objects: Amateurs and professionals in Berkeley's Museum of Vertebrate Zoology, 1907-39. *Social Studies of Science*, *19*(3), 387-420.

Stepin, V. S. (2003). *Theoretical knowledge*. Moscow : Progress-Tradition. 744 p. (In Russ.)

Van Bekkum, M., & Zuiderveen Borgesius, F. (2021). Digital welfare fraud detection and the Dutch SyRI judgment. *European Journal of Social Security*, *23*(4), 323-340. https://doi.org/10.1177/13882627211031257